

УРАЛЬСКИЙ РЕГИОН В ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГАЗЕТЫ «ЧЕЛЯБИНСКИЙ РАБОЧИЙ» (1941—1945)

Н. С. Журавлева,

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассматривается образ Урала в военно-публицистическом дискурсе газеты «Челябинский рабочий» (1941—1945). Он представлен как передовая линия — не просто как тыл, но, прежде всего, фронт, небоевой. Регион признается наследником славных традиций народа, боевых и трудовых, демонстрирует лучшие качества русского/советского человека. Отмечается гендерная универсальность подвигов героев, самопожертвование во имя своей семьи — нации. Локус выступает в непривычном для себя качестве — как «восточная житница», кормившая огромную страну. Подчеркивается, что этот тыловой край превращается в ведущий советский индустриальный центр, в предмет особой гордости и «сталинской заботы». В этом смысле Урал как «арсенал революции» позиционируется как защитник «священных границ» первого социалистического государства. По мере приближения Красной армии к государственной границе СССР восприятие Урала расширяется до мирового масштаба: для водружения знамени коммунизма в Европе его ресурсы, в числе прочих, окажутся очень востребованными советской властью.

Ключевые слова: Урал, военно-публицистический дискурс, газета «Челябинский рабочий», национализм, гендер.

Признавая различные толкования дефиниции «дискурс», мы интерпретируем это понятие как поток информации (вербальной и визуальной) с определенными идеологическими установками для создания социальной жизни через речь и практику. Дискурс не ограничивается рамками текста, а также включает социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний [29, с. 50]. Дискурсивная практика — это практика производства значений. В этом смысле все социальные практики имеют дискурсивный аспект.

Военный дискурс принадлежит к числу древнейших социальных практик по причине базовой потребности человека в обладании средствами к существованию и контролю за территориями. Военный дискурс как один из подвидов институционального дискурса, антонимичный неформальному общению, предполагает внимание к таким аспектам коммуникации как ее цель, участники, исторический контекст, модели речевой культуры. Ю. Ю. Дуброва под военным дискурсом понимает речевое общение с присущими правилами, традициями и опытом, свойственными армии как социальному институту [7, с. 67]. А. В. Олянич военно-политический дискурс рассматривает как разновидность массово-информационного дискурса, как «комбинацию терминологически насыщенной милитаристской речи и речи политической/политизированной/эвфемизированной, целью которой является оправдание развязывания военного конфликта или начала военной операции» [19]. Н. А. Ищенко под военным дискурсом понимает «дискурс военных о войне (жанр «доклада» или «сводки»), политиков о войне (разновидность политического дискурса в жанре «интервью»), дискурс средств массовой информации, освещающих военные действия» [11, с. 22]. Интегративный характер данного дискурса,

помимо прочего, препятствует четкой дифференциации между военным, военно-политическим и военно-публицистическим видами дискурса. В понимании О. А. Солоповой и М. С. Салтыковой, «военно-публицистический дискурс является гибридным форматом институционального дискурса, сложившимся в среде массовой коммуникации, соотношенным с военной реальностью и репрезентирующим ее, находящимся под влиянием экстралингвистического контекста (культурно-исторического, идеологического, политического, социального) [27, с. 763].

Как считает Н. А. Ищенко, военный дискурс не существует без дискурсов национального, гендерного и политического. Они формируют, поддерживают и корректируют друг друга [11, с. 24]. О. В. Рябов также подчеркивает значимость гендерного дискурса в функционировании национальной идентичности, называя его «оружием войны»: «Идеи территории, границ, национального сообщества, государства, гражданства, подданных облекаются в образы «матери», «сыновей», «братьев» и т. д.» [25]. Образ Матери олицетворяет Россия, образ Отца — И. В. Сталин.

Война невозможна без использования гендерной идентичности мужчин и женщин. Мужчина по природе склонен к экстремальному. В практиках военной пропаганды быть «настоящим мужчиной» означает быть воином: другие признаки мускулинности определяются как вторичные. В этом смысле восприятие Урала существенно расширяется в период Великой Отечественной войны: регион выступает защитником России (женщины) не только на фронте, но и в тылу.

Женщины легитимируют кровопролитие: потенциальная угроза придает характер «священной войны» против захватчиков, оправдывающей достижение цели любыми средствами. Отсюда — частое использование образов женщин, так или иначе

подвергшихся насилию. Между тем, традиционные для советской военной пропаганды визуальные образы, изображающие страдания «своих» женщин как побуждение «своих» мужчин к их защите, почти не были присущи уральскому дискурсу. Это объяснялось нахождением региона вне оккупации. Тыловая специфика, напротив, способствовала ротации моделей феминности и маскулинности. Уральские женщины взяли на себя «мужские» функции: тяжелый труд на заводе и в поле, участие в сражениях, причем, не только в качестве медсестер. При этом женщины продолжали следовать своей природе, заботясь о других. Так, домохозяйки одного из домов в Челябинске инициировали работу по укреплению жилья на случай воздушного нападения, закупили аптечки. Семь женщин командовали звеньями из 1555 жильцов [13]. Рубрика «Славные дела патриоток» освещала повседневные практики помощи фронту.

В годы войны женщины символизируют «нормальную» будничность, куда солдат возвращается после боев. Показательно, что образ верной подруги и жены приобретает исключительное значение в пропаганде. Женщины воплощают сострадание, которое нация испытывает по отношению к павшим и раненым на поле боя. В частности, на Урале возникла сеть эвакогоспиталей, ведь именно в тыл направляли тяжелораненых бойцов [6].

Между тем, одним из ключевых становится материнский образ, в нем угадывается образ Родины как персонификация России. Метафора Родины-матери являлась важнейшим символом русской культуры, воплощавшим идею национального единства в борьбе с чужеземцами и служившим средством легитимации власти, в основе которой лежал православный культ Богородицы. Но это была уже иная Родина — эмблема строительства социалистического общества. Родина как коллективный символ неразрывности судеб отдельных людей и страны в целом. Эта семантика актуализировалась накануне и в годы Великой Отечественной войны. В советской пропаганде наиболее яркими станут материнские образы (плакат И. М. Тоидзе «Родина-Мать зовёт!», одноименный памятник Е. В. Вучетича).

Сражение за Сталинград в силу стратегического положения города требовало расширения ресурсной базы. Появляется новая форма идеологического стимула — «материнский наказ», отличавшийся обилием восклицательных и вопросительных знаков, метафоричностью, образностью. Так, в письме к сыну Прокопию мать выражает веру в его храбрость («не посрамишь нашего доброго имени»), подчеркивает, что пришел его черед защищать немощных («стара я стала»), напоминает, что «нелегко было вырастить малых детей после смерти твоего отца». Мать призывает исполнить сыновий долг — продолжить дело отца, павшего на фронтах Первой мировой: «Заплати им за кровь наших людей, за слезы и муки жен, за нашу многострадальную русскую землю» [21]. Обращение матери к прошлому выводит пространство Отчизны за пределы Урала, расширяя до рубежей необъятной русской земли. В этом наказе воплощены такие оттенки образа женственности, как сила, власть,

мудрость, ассоциируемые, прежде всего, с фигурой матери. Ее поддержали односельчане, земляки, коллеги — настоящая семья, которая благословляет сына на подвиг. Материнский образ России является очевидной иллюстрацией переплетения гендерного и национального дискурсов.

По мере освобождения регионов СССР потребность в женском содействии возрастала. Так, практику сбора подарков (по сути, повседневных вещей) для жителей курировали советские патриотки. Особая признательность за их вклад постулировалась 8 марта. Все четыре года в Международный женский день подчеркивалась ценность «смелых дочерей» в борьбе за свободу своего народа. К примеру, узнав о гибели летчицы М. М. Расковой, жены фронтовиков Челябинской области решают построить эскадрилью боевых самолетов ее имени, за первый день собрав 1 110 000 руб.

Тотальный характер войны способствовал эмансипации женщин. «Подруг по труду» призывали не отставать в доблести от героев фронта. «Спайка фронта и тыла крепка, — / брат на фронте — сестра у станка» [20, с. 17]. В силу тылового статуса чаще упоминались не женщины-бойцы или медсестры, а колхозницы, трактористки, сталевары и пр. Так, З. Ермоленко прославилась как первая женщина-взрывник на руднике горы Магнитной.

Женский патриотический этос обязательно включал защиту детства: «Забота о семье бойца — долг каждого патриота». Чужих детей не бывает, в большой семье под названием СССР никто не останется без внимания. Апелляция к гендерному дискурсу требуется для легитимации нации, которая базируется на национальной общности, по сути, семье. Гендерный дискурс позволяет «очеловечить» национальное сообщество, приблизить его к повседневному опыту индивида. О. В. Рябов пишет, что аналогия с семьей, включающая восприятие нации как формы взаимодействия мужского и женского начал, является эффективным способом позиционирования этого сообщества как естественного [26, с. 74]. Без сомнения, семейная метафора выступает фактором, формирующим подчинение индивида государству и его готовность жертвовать собой во имя нации. Степень родства советских людей, к примеру, транслирует письмо челябинцам из освобожденного Курска. Их называют «родными» и благодарят за «братскую помощь»: «Когда нас освобождала Красная армия, мы спросили, где они взяли столько техники и оружия? — «Кланяйтесь челябинцам, свердловчанам, сибирякам — это они дали нам технику <...> в лихую годину вы на пустырях, при сильнейших морозах возводили новые заводы, расширяли цехи, устанавливали станки <...> Как велика наша благодарность, когда узнаете, от какого страшного рабства и кошмара спасла нас Красная армия» [28]. Без сомнения, эти достижения стали возможны благодаря «нашему великому отцу» Сталину, слившему «воедино семью советских народов на разгром немецких захватчиков».

Нация вряд ли существует вне военного дискурса. Механизм создания национальной идентичности опирается на войну, ведь ключевой элемент военного дискурса — отделение «своих» от «чужих».

Без образа «чужих» крайне сложно объяснить причины включения тех или иных социальных групп в отдельную нацию. Крайним случаем «чужого» является «враг». Концепт «врага» есть социальный конструкт, определяющий эти границы. Этот архетип восходит корнями к первобытному обществу. Актуализация образа врага происходит в кризисные моменты и выполняет такие функции социума как сплочение и мобилизация общества, подтверждение легитимности власти, оправдание силовых методов решения проблем, отвлечение масс от своих социальных трудностей и ориентация их недовольства вовне [5, с. 17]. Тема насилия становится ключевой, «враг» сливается с темой агрессии и войны. Дефиниция «враг», олицетворяя амбивалентность мира, выступает в роли фронта, делящего мир на черное и белое, на тьму и свет. Дегуманизация и даже демонизация образа врага усиливает экспрессивный градус военно-публицистического дискурса («враг по средневековому кровожаден»; «гитлеровская грабь-армия»; «людоед Гитлер»), что дает обоснование собственного превосходства и способствует победе над неприятелем.

Советские пропагандисты сфокусировались на мессианской роли СССР — ликвидировать Гитлера как злейшего врага культуры. Подчеркивалось, что именно «великий русский народ, вложил в сокровищницу мировой культуры неувядаемые достижения; он обогатил науку, литературу, музыку, военное искусство величайшими открытиями, непревзойденными шедеврами» [15].

Наличие врага помогает упрочить внутренний порядок и провести символические границы в собственном социуме. В частности, внутренний враг — тот, кто препятствует победе над врагом внешним. «Челябинский рабочий» регулярно публиковал материалы о прогульщиках, саботажниках, спекулянтах и пр. Причем, «тяжесть» преступлений определялась злободневностью этапа. Так, во время осеннего сбора урожая «прошлись» по дезорганизаторам хлебосдачи. Поначалу названия и стилистика публикаций напоминали фельетон. Например, в заметке «Меньше бы таких дельцов, как товарищ Ельцов» отмечалась безответственность председателя сельхозартели, запившего и не уследившего за сбором урожая [10]. Однако по мере затягивания войны обвинения и наказания становились жёстче. Говорящим оказалось название статьи «Волк» о суде над бывшим председателем колхоза, обвиненном в утайке хлеба и саботаже [16]. Зооморфизм в изображении врага лишь подчеркивал его нечеловеческую, противоестественную сущность. Особой неприязни в это время заслужили советские немцы. Например, «пособник врага» Обфаер устроился на завод, ему оказали «большую помощь — выдали обувь, нижнюю и верхнюю одежду» [1]. Он же начал прогуливать и мошенничать. На работу являлся лишь для получения продуктовых карточек, которыми спекулировал. Приговор суда — расстрел — заводчане восприняли как справедливое возмездие. В этом смысле дискурс национализма помогает индивиду обрести сплоченность и ощущение себя частью бесконечной цепи поколений.

Образ «уральского богатыря» — пример связи настоящего и прошедшего. Во многом именно прошлое ответственно за чувство солидарности в группе. Урал в годы войны признается наследником славных традиций народа, боевых и трудовых. Урал — объект фокуса всей страны и даже мира, с ним связывают надежды. Урал демонстрирует лучшие качества русского человека. «Слушай, седой Урал, слушай славу о сынах своих. Крылатой птицей поднялась она у берегов Волки-реки, прошумела над Доном и Кубанью, кружит на широком могучим Днепром...» [24]. В числе первых героев Урала значится снайпер Василий Зайцев, уроженец Челябинской области. «Как бы тяжел ни был бой — уральцы никогда не отступают» [24]. Выходит, уралец — качество характера, а не географическое тождество. Показательно название статьи «Путь отважных» и отсутствие автора. Стилистически она напоминает устное народное творчество, апеллирующее к древней коллективной мудрости нации, передаваемой из поколения в поколение. Русоцентризм органично вписывался в сталинский патриотизм, транслировавшийся как естественное чувство Родины. Отсюда — интернациональность: полиэтничность Урала остается за скобками.

Советская патриотика также включала верность революционным традициям и коммунизму. Нападение Гитлера объяснялось его одержимостью «вырвать завоевания Великой Октябрьской революции из наших рук». Учредительный миф советского общества (Октябрьская революция 1917 г.), нацеленный на коллективную идентичность, в годы войны расширяет семантическое пространство. Октябрь делает всех одной семьей. Советский народ как «Армия Октября» есть незыблемая твердыня, которую врагу не сломить. На ее страже в тылу стоит «арсенал революции» — эвакуированный из Ленинграда Кировский завод (Путиловский завод в прошлом) — основной очаг революционного движения: «Отсюда великий русский народ, опрокинувший самодержавие, черпал людские резервы и вооружение для защиты сердца молодой страны — красного Петрограда от банд контрреволюции» [9]. Не случайно, подчеркиваются многократные попытки пропагандиста Геббельса объявить о разрушении Кировского завода. Однако с еще большим напряжением «кировцы куют победу», выполняя важнейшие задания партии и правительства по индустриализации. В частности, они первыми выпустили тяжелые танки: «День и ночь на полях сражений наши машины, построенные на Урале, сеют смерть в рядах врагов» [4]. Показательно, что впервые в «Челябинском рабочем» знаменитое название города Челябинск — «Танкоград» — упомянули 7 ноября 1944 г. Кировцы как синоним качества представлялись пионерами во всем, с них надлежало брать пример. Так, в условиях экономии ресурсов они сохранили 2500 тонн стали в год за счет снижения брака и себестоимости, переплавки вторсырья, рацпредложений. Все это вписывалось в общепринятую практику соцсоревнований, являя яркий пример мобилизационной модели экономики.

Содействие победе в войне становится коллективной ответственностью каждого гражданина

СССР. Даже школьники прилежной учебой и послушанием приближают победу. И экономят деньги государству, например, осуществив ремонт учебных помещений. Ребятам призывают избегать второгодничества, соблюдать чистоту в школе, усилить занятия физкультурой, заботиться о семьях бойцов, собирать урожай в полях [8]. По мере затягивания войны в школах начинают учить детей рабочим профессиям, изучать с/х машины. Идеологическому и трудовому воспитанию молодежи уделяется пристальное внимание: ей предстоит заменить павших в строю. Абсолютно все, что содействует фронту, приобретает политическое звучание. Вплоть до мелочей: собрать вовремя шиповник, в котором много витамина С; посадить ранние овощи; заготовить верхушки клубней картофеля. Это настолько важно, что обсуждается в местном обкоме партии.

Экстремальный характер войны заставляет советскую власть пойти на отмену многих ограничений прошлой жизни. Например, возрождаются индивидуальные огороды. Теперь даже школы обязывают иметь участок. Причина — не в дефиците продовольствия, а в стремлении разгрузить транспорт. Челябинская область в годы войны начинает выступать в непривычном для себя качестве — как «восточная житница». В этой связи на первый план выходит обучение агрономии: часто печатают советы, делятся опытом («Как я ликвидировал падеж ягнят»). Причем, в заголовках используются, как правило, личные местоимения в единственном числе («весной моё место — на поле»). Не «наше» место, а «моё», как персональная ответственность за победу.

В публикациях четко прослеживается сезонность: весной все силы брошены на посев, летом — на прополку и полив, осенью — на сбор урожая. Осенью также готовятся к отопительному сезону, собирают теплые вещи для бойцов. Эти повседневные задачи преподносятся как политически обусловленные, что отражают заголовки вроде этого: «Не допустить потерь военного урожая!». Образцово провести уборку означает нанести сокрушительный удар по врагу: «В колосе каждом — / Грозная сила, / Нашего фронта, / нашего тыла!». Клятвенное «по-фронтовому бороться за хлеб для родины» объявляется первой заповедью советского человека.

О добыче «хлеба промышленности» (угля) «молитесь» «шахтерскому племени». Лозунг «Шахтер, помни о Сталинграде!» внушал персональную ответственность перед страной, Сталиным и Уралом, где возникла вторая металлургическая база: «И вскоре ожили запорожская сталь, приднепровский чугун, мариупольский прокат» [12]. Урал оказывается тем недостающим волшебным элементом, той «живой водой», способной пробудить мощь созидания. В этом смысле Урал есть «выражение неиссякаемых творческих сил, которые заложены в самой природе советского строя и успешно реализуются умом и трудом народа, поднявшегося во всем величии на защиту своего государства» [2]. Тем самым подчеркивается, что именно социализм как наивысшая форма бытия человечества содействует раскрытию потенциала личности.

Признается, что «трудящиеся Южного Урала шагают в первых шеренгах тружеников тыла нашей

страны». В Магнитогорске 5 декабря 1942 г. введена в эксплуатацию доменная печь 1340 кубометров — крупнейшая в СССР и Европе. Построена сверхскоростными темпами: $\frac{2}{3}$ работы сделано за 3 месяца. Создается «вторая Магнитка» (стройка века) — Челябинский металлургический комбинат. Помимо прочего, это позволило избежать катастрофы: «Металлический голод, о котором так громко кричали фашистские писаки из министерства Геббельса, так и не постучался в ворота наших заводов» [23].

По запасам и добыче железной руды, по производству чугуна, стали, проката ферросплавов Челябинская область стояла на первом месте в Союзе, являясь поставщиками для всей уральской и восточной металлургии [18]. Фактически Южный Урал обладал почти всем сырьем для черной металлургии (руда, флюсы, огнеупорная глина, пески, магнетит, энергетический уголь, ферросплавы, кварциты) [3]. Южный Урал также стал одним из центров советского машиностроения (Миасский УралАЗ сегодня). Регион превратился в индустриально-культурный центр, удельный вес которого в жизни страны достиг внушительных масштабов.

Чем ближе к победе, тем чаще военно-публицистический дискурс транслировал тождественность слов «Родина» и «Сталин». Периодика датирует летом 1943 г. процесс форсирования культа Сталина как гениального полководца благодаря «массовому изгнанию немецких оккупантов со священной земли нашей Родины». «Великое предвидение» вождя включало прогнозирование победы и создание второй угольно-металлургической базы в довоенные годы на Урале. «Сегодняшний Урал поистине является стовым хребтом советской обороны, и народ гордится им, называя его Сталинским Уралом» [22].

Таким образом, военно-публицистический дискурс в газете «Челябинский рабочий» за 1941—1945 гг. представлен разнообразием жанров, свойственных масс-медийному дискурсу: аналитическая статья, обозрение, интервью, хроника, очерк и др. Также были востребованы прецедентные тексты, на которые ссылаются многие, поскольку считают их важными для данной культуры, а именно: доклады, выступления, перепечатки материалов газеты «Правда», обращения Сталина. Все эти публикации без исключения связаны с лексемой агрессии. По мнению А. В. Олянич, именно «концепт «война» есть важнейший элемент лингвокультуры человечества в силу своей тотальной операбельности: конфликтность бытия предопределяет конфликтность коммуникации» [19].

Целью общения в рамках военно-политического дискурса, как правило, выступает приказание или запрещение: побуждение собеседника к действию или прекращению какой-либо деятельности. Точнее, коммуникативная манипуляция сознанием адресата. Как следствие — применение глаголов повелительного наклонения для побуждения к действию. Например, в заглавиях статей глаголы применяются чаще, чем существительные. Причем, глаголы, как правило, облачаются в форму императива, т.е. повелительного наклонения: «подтянуть», «добить», «усилить», «восстановить», «развернуть», «выпол-

нить» и т. п. Нередко императив несет отрицательное значение («не медлить с сушкой картофеля») как запрет, заповедь, новая нравственная норма в пространстве социальных практик. Критерий моральности и аморальности оказывается детерминирован историческим контекстом войны.

Двухценностная ориентация, сужающая пространство до черно-белой модели, помимо прочего, отражает сущность командно-административной системы управления, сложившейся в СССР в 1930-е годы. Как в армии, приказ выступает ключевым побуждением к действию. Например, в «мирном» дискурсе применяют такие милитаристские метафорические фигуры, как «борьба со стихией», «борьба за мир», «трудовые битвы», «битва за урожай», «трудовые подвиги», «трудовые победы» и т. п. Однако в условиях реальной войны происходит расширение семантики многих словоформ. К примеру, понятие «военный» приобретает знак высочайшего качества, абсолютного идеала, камертона («по-военному отремонтировать комбайны»).

Любой продукт человеческого труда признается средством для победы, даже «металлолом — это оружие». Призыв к мобилизации внутренних ресурсов выражен, в том числе, через использование лексем «все» или «всё». Подчеркивается тотальный характер Великой Отечественной войны, беспрецедентной во всех отношениях. Обращение к базовым риторическим фигурам военно-публицистического дискурса («Родина», «Отечество», «патриотизм») в коммуникативной практике оправдано целью достижения единства общества. Отсюда следует высокая степень насыщенности метафорическими единицами как мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния.

Многие будирующие призывы облекаются в форму особого созвучия слов, рифмованность («На уборке должно быть правило одно: драться за каждый колосок, за каждое зерно»). Причем, используется простая рифма, с ударением на последние слова в строках, что сообщает приятность слуху и легкость восприятия. Роль рифмы аналогична роли ритма, посредством которого форсируется интенсивность действия. Ритмичность как принцип рациональной организации процессов, характеризующий равномерность их выполнения во времени, была особенно востребована в условиях колоссальных трудовых нагрузок.

Однако, с другой стороны, военно-публицистическому дискурсу были присущи нормированность, лаконичность, четкость, однозначность, сжатость, сухость, приоритет информационной насыщенности над образной. В этом смысле дискурс органично вписывается в пространство советского «тоталитарного языка» и, в частности, в языковое поведение личности советского человека: «провозглашение (и только) примата общественных интересов, господство директивного общения, размытость и несущественность этических норм, официоз и ритуальность во всех публичных ситуациях» [14, с. 5].

Урал в военно-публицистическом дискурсе 1941—1945 гг. представлен как передовая линия: не просто тыл, а самый настоящий фронт — небоевой. Семантика глаголов «трудиться» и «сражаться» отождествляется. Между тем, в первые месяцы Великой Отечественной войны регион воспринимается как рубеж между европейской и азиатской частями страны, до которого стремились дойти захватчики в краткие сроки согласно блицкригу. Газета фиксирует летом-осенью 1941 г. господство мнения о мимолетности боев, но с зимы приходит осознание затяжного и тотального характера войны. В частности, иницируют эвакуацию предприятий, термин «Великая Отечественная война» отныне печатают с большой буквы, впервые выходит рубрика «Сатира и юмор».

В начале 1942 г. из-за потери Дона и приднепровских металлургических заводов Урал презентуется как ведущий индустриальный центр Советского Союза, как предмет особой гордости и «сталинской заботы». Внимание страны и всего мира фокусируется на этом источнике человеческого, материального и интеллектуального капитала. Восприятие Второй мировой войны как «войны моторов» предполагало тотальную мобилизацию всех ресурсов, поэтому героизация Урала и уральцев приобретает направленный вектор: герой труда, герой войны, герой-жертва. Подчеркивается их гендерная универсальность. Подвиги покрывает ореол романтики и обыденности одновременно. Сбор денег и урожая на колхозных полях, борьба за экономии топлива и высокую производительность, участие в боевых действиях и в изготовлении первого уральского автомобиля — это и многое другое демонстрирует высокие образцы преодоления человеческой натуры, самопожертвования во имя идеалов. Происходит перерождение людей, они открывают в себе новые качества, присущие материи: железный, каменный, стальной. В эти суровые дни обычные люди выходят за пределы своих возможностей. Так, один машинист 82 часа провел в поездах. При общем негативном отношении к войне именно война не представляется обществом неизбежным средством приобретения мира, а сам человек претерпевает череду трансформаций в связи со своим участием в военном конфликте. Симптоматично, что редко употребляется деление на Южный, Северный или Средний Урал. В целом, доминирует образ региона как особенного пространства, с богатым историческим прошлым, героическим настоящим и перспективным будущим.

Центральным компонентом любого дискурса является его участники, поэтому, например, в силу тылового статуса газета «Челябинский рабочий» совсем не затрагивала тему партизанского подполья. Боевые успехи уральцев освещались реже, чем труд рабочих и колхозников, а также сбор денег и вещей для армии и населения. Газета отражает падение интереса к международным темам, за исключением военных событий. Приоритет остается за освещением повседневности уральских тружеников, преимущественно среди молодой части. Как следствие — практически отсутствует апелляция к героике Гражданской войны, ведь патриотический этос молодежи примерно с середины 1930-х гг.

базируется на других символах: «Риторика определенных категорий юношей и девушек уже полна стереотипными выражениями «любви к социалистической родине»» [17, с. 432]. Отказ от мифологем Гражданской войны (одна из них — «миф о происхождении» советской власти, призванный легитимировать саму власть), однако, не исключал акцента на революцию. В этом смысле Урал в военно-публицистическом дискурсе начинает выступать в непривычном для себя качестве — как защитник «священных рубежей» первого социалистического государства. Между тем, по мере приближения Красной армии к государственной границе СССР восприятие Урала расширяется до мирового масштаба: для водружения знамени коммунизма в Европе его ресурсы, в числе прочих, окажутся очень востребованными советской властью.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 19-012-00192 в рамках научного проекта «Уральский регион» в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны (на материале оцифрованных архивных документов СССР и стран Западной Европы).

Литература и источники

1. Анина, М. Злостный дезорганизатор производства / М. Анина // Челябинский рабочий. — 1943. — 29 мая.
2. Баранов, Л. Героический год / Л. Баранов // Челябинский рабочий. — 1943. — 7 ноябр.
3. Больше металла! // Челябинский рабочий. — 1943. — 10 янв.
4. Васильев, И. Боевые традиции / И. Васильев // Челябинский рабочий. — 1942. — 2 нояб.
5. Волков, Е. В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества / Е. В. Волков — Челябинск : Челяб. Дом печати, 2008. — 392 с.
6. ГАРФ. Ф. 391. Оп. 4. Ед. хр. 10.
7. Дуброва, Ю. Ю. Особенности военного дискурса / Ю. Ю. Дуброва // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 5 (665). — С. 59—68.
8. Дудкин. Начался новый учебный год / Дудкин, Бояршинов // Челябинский рабочий. — 1941. — 3 сент.
9. Зальцман, И. Гордость Родины / И. Зальцман // Челябинский рабочий. — 1942. — 2 нояб.
10. Землянский, Т. «Меньше бы таких дельцов, как товарищ Ельцов» / Т. Землянский // Челябинский рабочий. — 1942. — 27 марта.
11. Ищенко, Н. А. Военный дискурс и дискурсивное измерение / Н. А. Ищенко // Вопросы духовной культуры. Филологические науки. — 2008. — С. 22—24.
12. Кривицкий, А. Опыт лучшей стройки Советского Союза / А. Кривицкий // Челябинский рабочий. — 1942. — 9 дек.

ЖУРАВЛЕВА Нелли Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Российская Федерация). E-mail: zhurnell@mail.ru

13. Кузнецова, Х. Дом — крепость обороны / Х. Кузнецова. // Челябинский рабочий. — 1941. — 11 сент.

14. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — 3-е изд., стер. — Москва : Флинта ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — 186 с.

15. Курганов, Ф. Юным друзьям — челябинцам / Ф. Курганов // Челябинский рабочий. — 1941. — 24 дек.

16. Ламкин, С. Волк / С. Ламкин // Челябинский рабочий. — 1942. — 19 нояб.

17. Никонова, О. Ю. Воспитание патриотов: Осовиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927—1941 гг.) / О. Ю. Никонова. — Москва : Новый хронограф, 2010. — 471 с.

18. О работе черной металлургии и задачах областной партийной организации: из доклада секретаря обкома ВКП (б) тов. Н.С. Патолочева // Челябинский рабочий. — 1943. — 13 янв.

19. Олянич, А. В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе / А. В. Олянич // Вестник ВолГУ. — Сер. 2. — Вып. 3. — 2003—2004. — С. 119—126. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/prezentatsionnye-strategii-v-voenno-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 10.01.2018).

20. Патриотки : сб. ст. / отд. пропаганды и агитации Челябинского обкома ВКП(б). — Челябинск : Челябинск, 1941. — 46 с.

21. Перевалова, А. Д. Материнский наказ / А. Д. Перевалова // Челябинский рабочий. — 1942. — 18 окт.

22. Промышленность Южного Урала на службе советской обороны / Н. Патолочев, секретарь Челябинского обкома ВКП (б) // Челябинский рабочий. — 1943. — 26 янв.

23. Путь доблести и героизма (письмо уральских танкистов) // Челябинский рабочий. — 1943. — 6 сент.

24. Путь отважных // Челябинский рабочий. — 1943. — 9 сент.

25. Рябов, О. В. Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды / О. В. Рябов // Женщина в российском обществе. — 2005. — № 3-4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsiya-i-gender-v-vizualnyh-reprezentatsiyah-voennoy-propagandy> (дата обращения: 19.11.2019).

26. Рябов, О. В. «Россия-матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. / О. В. Рябов. — Stuttgart, Hannover : Ibidem, 2007. — 290 с.

27. Солопова, О. А. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны / О. А. Солопова, М. С. Салтыкова // Russian Journal of Linguistics. — 2019. — Т. 23, No 3. — С. 762—783.

28. Спасибо за братскую помощь, товарищи челябинцы // Челябинский рабочий. — 1943. — 5 нояб.

29. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография / А. П. Чудинов. Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 248 с.

Поступила в редакцию 27 февраля 2020 г.

URAL REGION IN THE MILITARY-PUBLICISTIC DISCOURSE OF THE NEWSPAPER «CHELYABINSK WORKER» (1941—1945)

*N. S. Zhuravleva, zhurnell@mail.ru,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation*

The article examines the image of the Urals in the military journalistic discourse of the newspaper Chelyabinsk Worker (1941—1945). It is presented as the front line - not just as the rear, but, above all, the front, non-combat. The region is recognized as the heir to the glorious traditions of the people, military and labor, demonstrates the best qualities of Russian / Soviet people. Gender universality of heroic deeds, self-sacrifice in the name of their family - the nation are noted. The locus appears in an unusual quality for itself - as the “eastern granary” that fed the vast country. It is emphasized that this rear region is turning into a leading Soviet industrial center, an object of special pride and “Stalinist concern”. In this sense, the Urals as the “arsenal of revolution” is positioned as the defender of the “sacred borders” of the first socialist state. As the Red Army approaches the state border of the USSR, the perception of the Urals expands to a global scale: to erect the banner of communism in Europe, its resources, among others, will prove to be very popular among the Soviet authorities.

Keywords: Ural, military journalistic discourse, Chelyabinsk Worker newspaper, nationalism, gender.

The study was financially supported by the Russian Federal Property Fund No. 19-012-00192 as part of the Ural Region scientific project in the military journalistic discourse of the Great Patriotic War (based on digitized archival documents from the USSR and Western Europe).

References

1. Anina M. Zlostnii dezorganizator proizvodstva [Malicious Production Disorganizer]. Chelyabinskii rabochii. 1943. 29 maya.
2. Baranov L. Geroicheskiy god [Heroic year]. Chelyabinskii rabochii. 1943. 7 noyabrya.
3. Bolshe metalla [More metal]. Chelyabinskii rabochii. 1943. 10 yanvarya.
4. Vasilev I. Boevie tradicii [Martial traditions]. Chelyabinskii rabochii. 1942. 2 noyabrya.
5. Volkov E.V. «Gidra kontrrevolyucii». Beloe dvijenie v kulturnoi pamyati sovetskogo obshchestva [«Hydra of the counter-revolution». White movement in the cultural memory of Soviet society]. Chelyabinsk: Chelyab. Dom pechatii, 2008. 392 p.
6. GARF. F. 391. Op. 4. Ed. hr. 10.
7. Dubrova Yu.Yu. Osobennosti voennogo diskursa [Features of military discourse]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. № 5 (665). pp. 59—68.
8. Dudkin, Boyarshinov. Nachalsya novii uchebnyi god [The new school year has begun]. Chelyabinskii rabochii. 1941. 3 sentyabrya.
9. Zalman I. Gordost Rodini [Pride of the Motherland]. Chelyabinskii rabochii. 1942. 2 noyabrya.
10. Zemlyanskiy T. Menshe bi takih delcov, kak tovarisch Elcov [«Less would be such dealers as Comrade Yeltsov»]. Chelyabinskii rabochii. 1942. 27 marta.
11. Ischenko N.A. Voennii diskurs i diskursivnoe izmerenie [Military discourse and the discursive dimension]. Voprosi duhovnoi kulturi. Filologicheskie nauki. 2008. pp. 22—24.
12. Krivickii A. O pit luchshei stroiki Sovetskogo Soyuza [The best construction experience of the Soviet Union]. Chelyabinskii rabochii. 1942. 9 dekabrya.
13. Kuznecova H. Dom — krepost oboroni [House — fortress of defense]. Chelyabinskii rabochii. 1941. 11 sentyabrya.
14. Kupina N.A. Totalitarnii yazyk: slovar i rechevie reakcii [Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions]. 3-e izd., ster. M.: «Flinta», Izd-vo Ural. Un-ta, 2017. 186 p.
15. Kurganov F. Yunim druzyam — chelyabincam [Chelyabinsk young friends]. Chelyabinskii rabochii. 1941. 24 dekabrya.
16. Lamkin S. Volk [Wolf]. Chelyabinskii rabochii. 1942. 19 noyabrya.
17. Nikonova O.Yu. Vospitanie patriotov: Osoviahim i voennaya podgotovka naseleniya v uralskoi provincii (1927—1941 gg.) [Education of patriots: Osoviahim and military training of the population in the Ural province (1927—1941)]. Moskva: Izd-vo Novii hronograf, 2010. 471 p.
18. O rabote chernoi metallurgii i zadachah oblastnoi partiinoi organizacii. Iz doklada sekretarya obkoma VKP (b) tov. N.S. Patolicheva [On the work of ferrous metallurgy and the tasks of the regional party organization. From the report of the secretary of the regional committee of the CPSU (b) comrade N.S. Patolicheva]. // Chelyabinskii rabochii. 1943. 13 yanvarya.
19. Olyanich A. V. Prezentacionnie strategii v voenno-politicheskom diskurse [Presentation strategies in the military-political discourse]. Vestnik VolGU. Seriya 2. Vip. 3. 2003—2004. pp. 119—126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/prezentatsionnye-strategii-v-voenno-politicheskom-diskurse> (data obrascheniya: 10.01.2018).
20. Patriotki: sbornik statei [Patriots: Digest of articles]. Chelyabinsk: Chelyabgiz, 1941. 46 p.
21. Perevalova A.D. Materinskii nakaz [Maternal order]. Chelyabinskii rabochii. 1942. 18 oktyabrya.
22. Promishlennost' Yujnogo Urala na sluzhbu sovetskoi oboroni. N. Patolichev, sekretar Chelyabinskogo obkoma VKP (b) [Industry of the Southern Urals in the service of Soviet defense. N. Patolichev, Secretary of the Chelyabinsk Regional Committee of the CPSU (b)]. Chelyabinskii rabochii. 1943. 26 yanvarya.

23. Put doblesti i geroistva (pismo uralskikh tankistov) [The path of valor and heroism (letter from the Ural tankers)]. Chelyabinskii rabochii. 1943. 6 sentyabrya.
24. Put otvajnih [The way of the brave]. Chelyabinskii rabochii. 1943. 9 sentyabrya.
25. Ryabov O.V. Natsiya i gender v vizualnykh reprezentatsiyah voennoy propagandy [Nation and gender in visual representations of military propaganda]. Jenschina v rossiiskom obschestve. 2005. №3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsiya-i-gender-v-vizualnykh-reprezentatsiyah-voennoy-propagandy> (data obrascheniya: 19.11.2019).
26. Ryabov O.V. «Rossiya-Matushka»: Nacionalizm, gender i voina v Rossii XX veka [«Mother Russia»: Nationalism, Gender, and War in Russia of the 20th Century]. Stuttgart, Hannover: Ibidem, 2007. — 290 p.
27. Solopova O.A., Saltikova M.S. Arhitektonika svetlogo buduschego v zarubejnih voenno-publicisticheskikh diskursah perioda Vtoroi mirovoi voini [The architectonics of a brighter future in foreign military journalistic discourses during the Second World War]. Russian Journal of Linguistics. 2019. T. 23. No 3. pp. 762—783.
28. Spasibo za bratskuyu pomoshch_ tovarischi chelyabinci [Thanks for the fraternal help, comrades Chelyabinsk]. Chelyabinskii rabochii. 1943. 5 noyabrya.
29. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikacii: monografiya [Metaphorical mosaic in modern political communication: monograph]. Ural. gos. ped. Un-t. Ekaterinburg, 2003. 248 p.

Received February 27, 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Журавлева, Н. С. Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе газеты «Челябинский рабочий» (1941—1945) / Н. С. Журавлева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 20, № 2. — С. 37—44. DOI: 10.14529/ssh200205

FOR CITATION

Zhuravleva N. S. Ural region in the military-publicistic discourse of the newspaper «chelyabinsk worker» (1941—1945). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2020, vol. 20, no. 2, pp. 37—44. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh200205
